УДК 324

Ирина БОЛГОВА

«ВОСТОЧНОЕ ПАРТНЕРСТВО» ПОСЛЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА: ЦЕННОСТЬ СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ СТАБИЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ?

Аннотация. В 2019 г. программа «Восточное партнерство» (ВП) отметила своё десятилетие. Соотношение изначальных амбиций, достигнутых на сегодняшний день результатов и их восприятия в нынешних структурных условиях, формирует ключевые тенденции развития программы и восточной политики ЕС в целом на кратко- и среднесрочную перспективу. В статье на основе анализа изменений целеполагания Европейского союза в отношении стран ВП оценивают перспективы консолидации восточного направления внешней политики ЕС. Усиливающееся недовольство результатами со стороны государств – партнеров и рост конкурентности внешней среды взаимодействия создают для ЕС новые структурные условия выработки и реализации общей внешней политики. Обострившаяся после украинского кризиса проблема выбора между продвижением европейских ценностей и прагматичными интересами, в первую очередь сохранения внутривосточной стабильности стран – партнеров, актуализирует дискуссии относительно типа международной субъектности ЕС.

Ключевые слова: «Восточное партнерство», стрессоустойчивость, «принципиальный прагматизм», Европейская политика соседства, «общее соседство», Россия – ЕС.

Одной из базовых оценок восточной политики Европейского союза после 2004 года является утверждение о неспособности Брюсселя объединить в устойчивую систему политику соседства (включая программу «Восточного партнерства») и политику в отношении России. Вместе с тем, трудность параллельной реализации двух потенциально конфликтных направлений взаимодействия была характерна для периода, предшествующего открытой конфронтации 2014 г. ЕС был вынужден

© **Болгова Ирина Вячеславовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76. **E-mail:** i.bolgova@inno.mgimo.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами».

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123>

хотя бы номинально поддерживать идею сохранения желаемого стратегического партнерства¹ с Россией и одновременно подпитывать запрос государств-партнеров, входящих в сферу особых интересов России, на максимально возможное сближение [Борко, 2018; Casier, 2018].

Парадоксальность периода после 2013 г. заключается в том, что отказ от поддержания конструктивной повестки в отношениях с Россией отнюдь не способствовал консолидации программы «Восточного партнерства» (ВП). Напротив, оценки результатов реализации программы всё более разнятся. Российская позиция в оценках ВП отталкивается от целей, заложенных в программу на момент её формирования. С этой точки зрения, отказ от многосторонней региональной компоненты в рамках ВП и внутривосточный кризис на Украине, который рассматривается как непосредственный результат реализации программы, свидетельствуют о неудаче проекта и стратегической бесполезности его учета для формирования внешнеполитических приоритетов России. Европейские институты, в свою очередь, признавая ограничения в достижении изначально заявленных задач программы, продолжают настаивать на правильности разработанного инструментария и необходимости продолжения проектов в общей заданной логике.

Проблема периода до 2014 г. заключалась не только в неизбежности столкновения интересов на пространстве «общего соседства» между Москвой и Брюсселем, но и в необходимости артикулировать систему внешнеполитических приоритетов внутри самого Европейского союза, где сформировались достаточно устойчивые группы стран, настаивавших на кардинально противоположной повестке. После 2014 г. ЕС проецирует вовне устойчивую общую позицию в отношении принципов политического и экономического взаимодействия с Россией.

Несмотря на открытую конфронтацию ЕС с Россией, «Восточное партнерство», как кристаллизация европейской политики на постсоветском пространстве, по-прежнему зависит от целого ряда внешних условий и не является самодостаточным направлением. Открытое признание и усиление геополитической компоненты восточного направления политики ЕС, анализу которого в последние годы посвящено растущее количество академических и заказных практических исследований [European Council on Foreign Affairs, 2018; Cadier, 2019; Nitoiu, Sus, 2019], не позволяет пока говорить о кардинальных изменениях внешнеполитической идентичности ЕС. Напротив, реактивный характер вводимых корректировок механизмов партнерства [Smith, 2019] скорее свидетельствует об углублении имманентных противоречий и трудностях в выстраивании целостной и внутренне непротиворечивой внешнеполитической стратегии.

Украинский кризис и последовавшие за ним изменения в отношениях между Россией и ЕС позволили оценивать 2014 г. как переломный для внешней политики Брюсселя на восточном направлении [Ikani, 2019]. Пересмотренная Европейская политика соседства 2015 г. [Review, 2015] и новая Глобальная стратегия ЕС 2016 г. [Shared Vision, 2016] стали документальными маркерами этих изменений.

¹ История «стратегического партнерства» берёт своё начало в конце 1990-х гг. и документально оформлена, среди прочих: [Solana 1999; European Council 1999; EU – Russia Summit 2003, 2005].

Нынешний этап развития ВП характеризуется признанием невозможности поддержания многостороннего формата и фиксации индивидуального подхода к каждой из стран – участниц программы. Открытое доминирование данной позиция получила после Рижского саммита программы в мае 2015 г. Закреплена она на саммите 2017 г. в Брюсселе, где были сформулированы 20 целей ВП к 2020 г. [20 Deliverables, 2017]. Содержание обновленной стратегии позволило констатировать отказ ЕС от единой региональной системы инструментов [Horga, Feier, 2018], вызванный нежеланием продолжать прямую конфронтацию с Россией [Novak].

Важнейшим нововведением в системе внешнеполитических приоритетов ЕС, которое сразу привлекло академическое внимание [Данилов, 2017; Романова, 2017; Nenokl, 2017; Smith, 2017], стало появление категории «принципиального прагматизма»¹ (*principled pragmatism*). Очевидно, что признание ограничений ценностно-ориентированного подхода и сдвиг в сторону политики, основанной на прагматичном интересе, является ответной реакцией на вызовы последних лет, в том числе, если не в первую очередь, со стороны государств ВП. Вместе с тем, открытое декларирование неудачи механизмов политической обусловленности влечёт за собой снижение уровня доверия к ЕС как международно-политическому игроку в целом и росту неудовлетворенности результатами взаимодействия со стороны стран – локомотивов ВП, в частности. Снижая приоритетность категории общих ценностей в планировании и реализации внешней политики, Брюссель размывает ключевой цементирующий элемент программы.

Акцент на большей дифференциации, сделанный после пересмотра политики соседства в 2015 г. [Review, 2015], позволил реализовать ряд практических результатов, которые не могли быть позитивно оценены приверженцами идеи распространения европейских ценностей. Среди таких инициатив можно назвать размораживание отношений с руководством Белоруссии, в том числе частичное снятие санкций, начало переговоров по облегчению визового режима и приглашение А. Лукашенко на саммит программы ВП в ноябре 2017 г., несмотря на протесты со стороны лидеров белорусской оппозиции [Bosse, Vieira, 2018]. Подписание типологически нового преференциального соглашения с Арменией, которое учитывает ограничения, связанные с членством страны в Евразийском экономическом союзе [Болгова, 2018], также является продолжением дифференцированного подхода, который ведет к снижению уровня финального целеполагания политики ЕС в отношениях с номинально общим кругом партнёров. Ещё более показательным в этой связи являются переговоры по новому соглашению с Азербайджаном, несмотря на постоянную критику в адрес ситуации с правами человека в этой стране [European Parliament, 2018].

В этом контексте важно отметить замену в рамках реализации политики соседства планов действий на «приоритеты партнерства». Это демонстрирует отказ от подхода, основанного на жесткой политической обусловленности и так называемых

¹ Как представляется, перевод термина как «бескомпромиссный прагматизм» не является вполне корректным, так как формулировка «*principled pragmatism*» подразумевает некоторую игру слов и одновременно попытку объединить два направления во внешней политике: прагматизм, но обусловленный принципами.

демократических критериях (*deep democracy criteria*) с целью адаптировать объём и глубину сотрудничества к политической воле партнеров. ЕС отказался от практики одновременной публикации Регулярных докладов о состоянии отношений и внутриполитических реформ во всех странах – участницах политики Соседства. При этом была введена практика подготовки Докладов о реализации Ассоциации для трёх стран, подписавших соответствующие соглашения.

Дифференциация на уровне нормативно-правового оформления отношений отражает разницу в отношении к процессу внутриполитических реформ в странах – участницах программы. Если в Молдавии, Украине и в некоторой степени в Грузии объёмы финансирования сектора реформ со стороны ЕС выросли, то в остальных трёх странах внимание к проблеме демократизации существенно снизилось [Smith, Youngst, 2018] и было, таким образом, поставлено в непосредственную зависимость от прагматичного интереса поддержания краткосрочной политической стабильности.

Не менее важно, с точки зрения анализа перспектив развития политики ЕС на направлениях соседства, то, что, подчеркивая «принципиальный прагматизм», Брюссель по существу отказывается от изначально заложенной соподчиненности категорий региональной стабильности и демократизации. По существу, вся внешняя политика Европейского союза основывалась на идее, что распространение демократических институтов и растущее сближение с ЕС на основе *aquies communautaire* вне зависимости от перспективы членства должны привести к росту благосостояния соседних государств и общей региональной стабилизации [European Council, 2003]. По словам бывшего комиссара ЕС по расширению Штефана Фюле, объяснявшего цели ЕС в отношении восточных соседей, речь идёт «о завершении трансформации европейского континента» [Dempsey, 2013].

Украинский кризис с максимальной остротой показал несостоятельность такой генерализации и продемонстрировал, что политическая обусловленность и успех «трансформационной» компоненты политики ЕС зависит от соотношения в рамках дихотомии «демократизация – (де)стабилизация» [Bortzel, 2014, 2017]. Одновременно, последствия политики ЕС в отношении Украины в 2013 г. позволили утверждать, что ЕС недооценил стратегический характер самой программы ВП в существующих структурных условиях [Rieker, Blockmans, 2018]. При наблюдаемом дисбалансе в сторону дестабилизации, ЕС прежде всего стремится сохранить статус-кво. Внешнеполитические документы 2015–2016 гг., как и политическая практика последующих лет, подчеркивают, что возросшие вызовы безопасности привели к снижению трансформационной компоненты во внешней политике ЕС в общем и в отношении стран ВП. Более того, введение в политический дискурс термина «стрессоустойчивость» (*resilience*), полностью изменило изначальную логику: теперь безопасность и стабильность рассматриваются как необходимые условия для роста благосостояния и демократии [Романова 2017; Pishchikova, Piras, 2017].

Принимая во внимание инерционный характер внешнеполитического процесса ЕС, практические последствия изменения официальной риторики ставятся под сомнение [Данилов, 2017; Crombois, 2019; Ikani, 2019; Panke, 2019]. Однако, как представляется, они оказывают ключевое воздействие на восприятие государствами – участниками ВП роли ЕС в сфере региональной безопасности и стабильности. Государства ВП всё больше обеспокоены вопросами политической стабильности и

всё меньше склонны видеть в политике ЕС инструмент эффективной гарантии региональной безопасности. Важно подчеркнуть в этой связи, что Евросоюз, в том числе в силу специфики своей акторности, склонен по-прежнему воспринимать себя как эффективного игрока на поле региональной безопасности, тогда как государства-партнеры при сохранении высокого запроса на гарантии со стороны ЕС [Delcour, Wolczuk, 2018] испытывают неудовлетворенность достигнутыми результатами. Фокусные государства склонны ставить под сомнение эффективность посреднической роли ЕС в урегулировании существующих конфликтов. В случае с украинским кризисом эффективность политики ЕС оценивается украинской стороной в зависимости от прагматичных интересов Брюсселя в экономическом и политическом взаимодействии с Москвой [Elgstrom, Chaban et al. 2017]. С этой точки зрения, прагматизация (или геополитизация [Cadier, 2018]) подхода ЕС к пространству восточного соседства неизбежно ведёт к принятию практики разделения сфер интересов, что символизировало бы уступки Москве. В пользу данного аргумента свидетельствует отказ ЕС распространить инструментарий «общего пространства безопасности» на наиболее уязвимые страны восточного соседства, несмотря на символическую поддержку в рамках ВП [Smith, Youngst, 2018]. В новой внешнеполитической стратегии, оформленной, как было отмечено выше, под непосредственным влиянием кризиса в отношениях с Россией вокруг Украины, ЕС не предложил государствам ВП, даже наиболее мотивированным на сближение, никаких новых механизмов, которые могли бы быть рассмотрены как гарантии их безопасности. Ни более четко обозначенная перспектива членства, ни новые перспективы в рамках уже сформулированных обязательств с государствами, подписавшими Соглашения об ассоциации, не стали ответом на изменение геостратегической среды для реализации политики ЕС на постсоветском направлении. Напротив, начиная с 2015 г. ЕС всё более планомерно выдвигает на первый план направления деполитизированного секторального сотрудничества, что видно в том числе при анализе заключительных документов саммитов программы ВП. Если в ранних декларациях наиболее часто использовались термины «реформы», «безопасность», «устойчивое развитие» и «региональная интеграция», то после 2014 года акценты смещаются в сторону «авиации», «образования», «молодёжи» и «энергетики» [Kachka & Yermolenko, 2018]. Тот же акцент сделан и в «20 задачах к 2020 г.» [20 Deliverables, 2017]. Они сфокусированы на финансовой помощи среднему и малому бизнесу, расширению трансъевропейских транспортных сетей, повышению энергоэффективности и созданию новых рабочих мест в сфере ИКТ.

Неожиданность для ЕС украинского сценария и потенциальная возможность его воспроизведения в других странах ВП привели к принятию практики балансирования между стремлением к продвижению ценностей и нежеланием дестабилизации. С одной стороны, такая тактическая гибкость сделала возможным сотрудничество с Россией по преодолению внутривосточного кризиса в Молдове в июне 2019 году. Однако, с другой стороны, ЕС теряет кредит доверия со стороны заинтересованных игроков.

Государства ВП, для которых также остро стоит вопрос внутренней стабильности и территориальной целостности, но которые не получают столько внимания со стороны внешней политики ЕС, сколько Украина, недовольны своим местом в ие-

пархии внешнеполитических приоритетов ЕС и упрекают Брюссель в неоправданно избирательном подходе. Действительно, Глобальная стратегия ЕС [Shared Vision, 2016], подчеркивая стремление ЕС способствовать урегулированию застарелых конфликтов на пространстве ВП, ссылается на отказ «признать незаконную аннексию Россией Крыма и смириться с дестабилизацией на Восточной Украине», однако не упоминает проблемы безопасности, определяющие политический ландшафт в Молдове, Грузии, Армении и Азербайджане. В этой логике нынешняя дискриминационная [Rahimov, 2018] политика ЕС рассматривается как размывающая идею региональной стабильности и препятствующая созданию общего восприятия проблем региональной безопасности. В этом же контексте рассматриваются итоговые декларации саммитов ВП, размытые формулировки которых не устраивают страны, вовлеченные в региональные конфликты. Наиболее заметным результатом растущего недовольства позицией ЕС стал отказ государств-партнеров от подписания общей декларации по итогам юбилейного саммита программы в Брюсселе в мае 2019 г. Азербайджанская сторона была не удовлетворена отсутствием термина «территориальная целостность» применительно к конфликту вокруг Нагорного Карабаха, а Украина и Молдова разочарованы очередным отсутствием формального признания их «европейских устремлений».

В условиях весьма ограниченного инструментария по урегулированию конфликтов на пространстве ВП, ЕС пытается переложить инициативу выработки новых механизмов на сами фокусные государства [напр.: The Eastern Partnership Vision, 2019]. Такой сдвиг вписывается в получающую всё большее распространение методологическую рамку, которая, на основе анализа эмпирического материала десятилетних результатов реализации программы, настаивает на доминирующей роли внутренних факторов в странах-партнерах, определяющих (не)успех трансформационной политики ЕС [Delcour, Tulmets, 2019]. Таким образом, ЕС по-прежнему видит себя в качестве успешного субъекта распространения норм и ценностей и носителя трансформационного потенциала, но при этом сужает круг сфер и партнеров, которые попадают в орбиту его активного воздействия. Стремясь сохранить равновесие между продвижением ценностей и прагматизмом в своей внешней политике, ЕС видит выход в отказе от широкого правового сближения в пользу *de facto* адаптации норм в отдельных секторах, которая, по логике функционализма, должна способствовать эффекту перелива [Freyburg, Lavenex, 2018].

Однако такой подход выглядит скорее паллиативом, принимая во внимание не только особенности внутривнутриполитических систем государств-участников ВП, но и конкурентную роль внешней среды. В качестве главного препятствия для распространения европейских норм традиционно рассматривается Россия [Delcour, 2018; Noutcheva, 2018; Makarychev, 2018]. Эта позиция давно стала удобным инструментом политических и академических объяснений ограниченных результатов трансформационного подхода. Новым элементом в структурировании политического пространства ВП становится растущая роль Китая. Политика Пекина, направленная на открытие экономик постсоветских государств за счет развития торговли и инвестиций, вступает в противоречие с трансформационной логикой Брюсселя, которая стремилась к подобной открытости, но при выполнении жестких политических условий [Kaczmarzsky et al., 2019]. Рассмотренное в этом контексте усиливающееся

влияние Китая значительно снижает эффективность европейской политики политической обусловленности и вступает в резонанс со стремлением ЕС сохранить политическую стабильность в фокусных государствах.

Прошедшие после начала украинского кризиса пять лет не только обострили проблему выбора между ценностями и интересами во внешней политике ЕС, но и приблизили её непосредственно к границам ЕС. Если в 2000-е гг. ключевой дилеммой для реализации общей внешней политики на восточном направлении был вопрос принципиальной возможности распространения системы европейских ценностей без предоставления членства, то после 2014 г. акценты сместились. Теперь основной вопрос можно сформулировать следующим образом: как сохранить ценностно-ориентированный подход при необходимости стабилизации конфликтного пространства. Евросоюз, стремясь уравновесить роль ценностей и желание снизить остроту вызовов безопасности, исходящих с территории соседства, оказывается в затруднительном положении. Повышение приоритета стабильности регионального пространства в результате прямого противопоставления европейских ценностей политике России не способствует консолидации восточной политики ЕС, а делает её ещё более зависимой от внешних переменных. Расширение ценностного подхода оказалось возможным только в благоприятной внутренней и внешней политической среде. В связи с этим ЕС вынужден искать новые устойчивые основания для собственной внешнеполитической идентичности. Заявленный при этом принцип прагматизма во внешней политике противоречит тщательно создававшемуся образу нормативной силы и создаёт когнитивный диссонанс в восприятии общей внешней политики и государств-партнёров.

Список литературы

Болгова, И. В. (2018). Отношения между Европейским союзом и Арменией: модель «тихого» соприкосновения? *Международная аналитика*. № 2. с. 37–46.

Борко Ю.А. (2018) *Восточное партнерство: проект, реальность, будущее*. Доклады Института Европы, № 355, Москва. 70 с.

Данилов, Д. А. (2017). Глобальная стратегия ЕС: восточный вектор. *Современная Европа*. № 1. с. 10–21.

Романова Т. (2017) Категория "стрессоустойчивость" в Европейском союзе. *Современная Европа*. № 4. с. 17–28.

References

20 Deliverables for 2020: Bringing tangible results for citizens (2017) URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/20_deliverables_for_2020.pdf

Bolgova, I. (2018). Otnosheniya Armenii i ES: model' 'tikhogo sopryazheniya'? [EU – Armenia Relations: a model of "quite" coordination?] *Mezhdunarodnaya Analitika*, 2 (24), pp. 37–46.

Borko Yu. (2018) *Vostochnoye partnerstvo: proyekt, real'nost', budushcheye*. [Eastern Partnership: project, reality, future.] Reports of the Institute of Europe. – Moscow. № 355. 70 p.

Bosse, G., Vieira, A. (2018). Human rights in Belarus: The EU's role since 2016. European Parliament. June. URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO_STU\(2018\)603870](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EXPO_STU(2018)603870)

Cadier D. (2019). The Geopoliticisation of the EU's Eastern Partnership. *Geopolitics*, 24 (1). pp. 71–99.

Casier T. (2018) Incompatible Partnerships: the Inherent Tension in the EU'S East-European Policy and its Implications for Security. In: *The European Union and the Eastern Partnership: Security Challenges*. Chişinău-Cernăuţi-Tbilisi: ECSA Moldova. pp. 67–80.

Crombois J. (2019) The Eastern Partnership: Geopolitics and policy inertia. *European View*, Vol. 18(1) 89–96 DOI: 10.177/18168519836562

- Danilov D. (2017) Global'naya strategiia YeS: vostochnyj vector. [EU Global Strategy: Eastern Direction] *Sovremennaya Evropa*. 1, pp. 10–21.
- Delcour L., Tulmets E. (2019). *Policy transfer and norm circulation: Towards an Interdisciplinary and Comparative Approach*. London: Routledge.
- Delcour, L. (2018). Dealing with the elephant in the room: the EU, its 'Eastern neighbourhood' and Russia. *Contemporary Politics*, 24(1), pp. 14–29.
- Delcour, L., Wolczuk, K. (2018). Well-Meaning but Ineffective? Perceptions of the EU's Role as a Security Actor in the South Caucasus. *European Foreign Affairs Review*, pp. 41–60.
- Dempsey J. (2013) The Transformative Power of EU Enlargement: An Interview With Štefan Füle. Carnegie Europe, November 28. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/53742>
- EU-Russia Summit (2003) Joint Statement, St. Petersburg, 31 May, URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/75969.pdf
- EU-Russia Summit (2005) Road Maps, Moscow, 10 May, URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/en/er/84815.pdf
- European Council (1999) Common Strategy of the European Union of 4 June 1999 on Russia, 1999/414/CFSP URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2003/november/tradoc_114137.pdf
- European Council (2003). A secure Europe in a better world: European Security Strategy. *Brussels*.
- European Council on Foreign Affairs (2016). *Absorb and Conquer. An EU Approach towards Russian and Chinese Integration in Central Asia*, URL: https://www.ecfr.eu/page/-/ECFR174_Absorb_and_Conquer.pdf
- European Parliament (2018). Recommendation of 4 July 2018 to the Council, the Commission and the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on the negotiations on the EU–Azerbaijan Comprehensive Agreement. 2017/2056(INI). 4 July. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2018-0294+0+DOC+XML+V0//EN&language=EN>
- "Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe." (2016) A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy, June 2016, URL: https://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/regions/files/eugs_review_web_0.pdf
- Freyburg, T., S. Lavenex, (2018) Democracy promotion by functional cooperation in T. Schumacher, A. Marchetti & T. Demmelhuber (eds.), *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. Routledge, pp. 467–480.
- Henökl, T. (2017). The European Neighbourhood Policy and the CFSP/CDSP: From the European Security Strategy to the Global Strategy. In *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy* (pp. 533–542). Routledge. pp. 533–542.
- Horga I., Feier E. (2018) Challenges for the Eastern Partnership in the Context of Sovereign Tendencies of EU Member States from Central and Eastern Europe. In: *The European Union and the Eastern Partnership: Security Challenges*. Chişinău-Cernăuţi-Tbilisi: ECSA Moldova. pp. 11–30.
- Ikani N. (2019) Change and Continuity in the European Neighbourhood Policy: The Ukraine Crisis as a Critical Juncture, *Geopolitics*, 24:1, 20–50, DOI: 10.1080/14650045.2017.1422122
- Kachka, T., V. Yermolenko (2018) What might be next in EU-Ukraine relations. *EUObserver*, 28 February, URL: <https://euobserver.com/opinion/14113>
- Kaczmarek M., Jakóbowski J., and Kardaś S. (2019) The effects of China's economic expansion on Eastern Partnership countries. EU-STRAT Working Paper No. 17. March. URL: <https://refubium.fu-berlin.de/bitstream/handle/fub188/24773/EU-STRAT-Working-Paper-No.-17.pdf?sequence=1>
- Makarychev, A. (2018). Normative and Civilisational Regionalisms: The EU, Russia and their Common Neighborhoods. *The International Spectator*, 53(3), pp. 1–19.
- Smith M., Youngs R. (2018) The EU and the Global Order: Contingent Liberalism, *The International Spectator*, 53(1), 45–56, DOI: 10.1080/03932729.2018.1409024
- Nitoiu C., Sus M. (2019). Introduction: The Rise of Geopolitics in the EU's Approach in its Eastern Neighbourhood, *Geopolitics*, 24(1), pp. 1–19.
- Noutcheva, G. (2018). Whose legitimacy? The EU and Russia in contest for the eastern neighbourhood. *Democratization*, 25(2), pp. 312–330.

Novak (2015) *The future of the Eastern Partnership. Strategic changes or continued drifting*. Osterreichische Gesellschaft für Europapolitik, Policy Brief, 2015. URL: <http://oegfe.at/2015/05/the-future-of-the-eastern-partnership>

Elgström O., Chaban N., Knodt M., Müller P. and Pardo Sh. (2018) Perceptions of the EU's Role in the Ukraine-Russia and the Israel-Palestine Conflicts: A Biased Mediator? *International Negotiation*. 23, pp. 299–318.

Pänke J. (2019) Liberal Empire, Geopolitics and EU Strategy: Norms and Interests in European Foreign Policy Making, *Geopolitics*, 24:1, 100–123, DOI: 10.1080/14650045.2018.1528545

Pishchikova, K., Piras, E. (2017). The European Union Global Strategy: What kind of foreign policy identity? *The International Spectator*. DOI:10.1080/03932729.2017.1339479

Rahimov R. (2018) Eastern Partnership Lacks Collective Approach to Security. In: *The European Union and the Eastern Partnership: Security Challenges*. Chişinău-Cernăuţi-Tbilisi: ECSA Moldova. pp. 109–130.

Review of the European Neighbourhood Policy (2015) Joint communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. JOIN (2015) 50 final. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/enp/documents/2015/151118_joint-communication_review-of-the-enp_en.pdf

Romanova T.A. (2017) Kategoriya “stressoustoichivost” v Evropeiskom soyuze [Resilience Category in the European Union]. *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 17–28.

Smith M. (2019) The geopolitics of the EU's partnership diplomacy: strategic, managerial or reactive? *International Politics* 56, 288–303. <https://doi.org/10.1057/s41311-017-0127-8>

Smith, K. E. (2017). A European Union global strategy for a changing world?. *International Politics*, 54(4), pp. 503–518.

Solana X. (1999) The EU-Russia Strategic Partnership Speech by the High Representative designate of the European Union for Common Foreign and Security Policy, Stockholm, Wednesday, 13 October, URL:http://91.194.202.11/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/discours/59417.pdf

The Eastern Partnership Vision after 2020 (2019) / Ed. by Kaca E. – RISM Report, Warsaw. March. 46 p. URL: <http://www.tihanypolitics.eu/wp-content/uploads/2019/04/The-Eastern-Partnership-Vision-after-2020.pdf>

“Eastern Partnership” after the Ukrainian Crisis: The Value of Stability or Stable Values?

Author. Bolgova I., Candidate of sciences (History), Associate Professor, International Applied Analysis Department, Research Fellow, Center for the Post-Soviet Studies, MGIMO University. **Address:** 76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia 119454. **E-mail:** i.bolgova@inno.mgimo.ru

Abstract. In 2019, the Eastern Partnership program celebrated its 10th anniversary. The correlation of the initial ambitions, the results achieved to date, and their perception determine the key trends of the EaP and the Eastern policy in general for the short and medium term perspective. Based on the analysis of changes in the European Union's goal-setting with regard to the Eastern Partnership countries, the article assesses the prospects for the consolidation of the eastern direction of EU foreign policy. The growing dissatisfaction with the results on the part of the partner states and the growing competitiveness of the external environment create new structural conditions for the EU to develop and implement its common foreign policy. Exacerbated after the Ukrainian crisis, the dilemma between the promotion of European values and pragmatic interests, mainly in the search for internal political stability of the partner states, actualizes discussions about the type of EU international actorness. The European Union, trying to balance the role of values and the desire to reduce the security challenges emanating from the neighborhood, is in a difficult position. An increase in the priority of stability in the regional space as a result of direct opposition of European values to Russian policy does not contribute to the consolidation of the EU's Eastern policy, but makes it even more dependent on external variables.

Key words: Eastern Partnership, resilience, “principled pragmatism”, European Neighbourhood Policy, “Common neighbourhood”, EU – Russia.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72019115123>